

Евгений Лейзеров

Слово о НАБОВОКЕ

Цикл лекций

Евгений Лейзеров
Слово о Набокове. Цикл
лекций (13 лекций о сирийском
«сквозняке из прошлого»)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19206603
ISBN 9785447487867

Аннотация

Эта книга повествует не только о жизни и творчестве «русских годов» Владимира Набокова – 1899—1940, публикации которого выходили с 1921 года под псевдонимом «Владимир Сирин», но также содержат исследования автора в набоковедении, воспоминания о встречах с сыном писателя Дмитрием Набоковым, авторский документальный фильм «Ключи Набокова». Последний был показан в апреле 1998 года по Центральному Телевидению. <https://video.com/135776357>

Содержание

Предисловие	8
Лекция 1. Российские годы младенчества— 1899 —1903	9
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Слово о Набокове
Цикл лекций (13 лекций
о сиринском «сквозняке
из прошлого»)
Евгений Лейзеров

© Евгений Лейзеров, 2016

© Елена Герасимова, дизайн обложки, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Моей жене Светлане

Набоков, Берлин, лето 1934 г.

С фотографии Владимира Набокова лета 1934 года, когда он ежедневно, с упоением трудился над романами «Дар» и «Приглашение на казнь», когда был безмерно счастлив от того, что совсем недавно – 10 мая – родился сын Дмитрий, предваряется эта книга. Автор выражает благодарность Елене Герасимовой, принявшей деятельное участие в ее создании, а также Борису Вайсбергу, Ольге и Александру Виль за фотографии и видеоматериалы о моей поездке

в Монтрё 1 августа 2004 года на встречу с Дмитрием Набоковым...

Предисловие

Предлагаемая читателю книга представляет собой «набоковскую дюжину» лекций и авторские материалы по биографии и творчеству Владимира Набокова, или точнее, как он сам себя тогда именовал в публикациях, Владимира Сирина. Лекции основываются на творческом наследии писателя (поэзия, проза, мемуары), на биографии Набокова в изложении новозеландского исследователя Брайана Бойда и авторском отношении к описываемым произведениям и событиям. Материалы автора включают в себя исследования в набоковедении и воспоминания о встречах с сыном писателя Дмитрием Набоковым.

Лекции о биографии и творчестве Владимира Набокова проходили в Констанце, в старинном городе на юге Германии, в котором автор живет уже второй десяток лет. Этот город посещал и Набоков (об этом рассказано в 5-й лекции).

Стиль изложения – доверительная беседа с заинтересованными слушателями.

Автор с теплотой вспоминает интереснейшие выступления профессора Брайана Бойда в петербургском Музее Набокова и его книгу «Владимир Набоков Русские годы», без которой авторские лекции не состоялись бы.

Лекция 1. Российские годы младенчества— 1899—1903

Как подчёркивает новозеландский биограф Брайан Бойд вся жизнь, и творчество Владимира Набокова делится на два отрезка времени. Первый называется «Русские годы» и длится он с года рождения писателя в России – 1899 до года его эмиграции из Европы – 1940-й. В это время произведения писателя выходят в свет, как правило, на русском языке. Второй промежуток времени (тоже по определению Бойда) называется «Американские годы» и длится с упомянутого 1940 года, года приезда Набокова в Америку, до года смерти – 1977-го в Швейцарии. В этот период творения классика появляются, как правило, на английском языке.

«Русские годы» в свою очередь можно разделить на два временных интервала: первый – с года рождения 1899 до года вынужденной эмиграции из России – 1919, второй – время проживания в Европе с 1919 по 1940, из них 15 лет с 1922 по 1937 он живёт в Германии.

Сегодня моя лекция касается российских лет детства Набокова, т.е. тех лет, когда он жил в России, наездами бывая с родителями за границей. И здесь уместно привести одно из его лучших стихотворений, написанного в 1939 году в Париже с характерным названием «К РОССИИ».

Отвяжись – я тебя умоляю!
Вечер страшен, гул жизни затих.
Я беспомощен. Я умираю
от слепых наплываний твоих.

Тот, кто вольно отчизну покинул,
волен быть на вершинах о ней,
но теперь я спустился в долину,
и теперь приближаться не смей.

Навсегда я готов затаиться
и без имени жить. Я готов,
чтоб с тобой и во снах не сходиться,
отказаться от всяческих снов;

обескровить себя, искалечить,
не касаться любимейших книг,
променять на любое наречье
всё, что есть у меня, – мой язык.

Но зато, о Россия, сквозь слёзы,
сквозь траву двух несмежных могил,
сквозь дрожащие пятна берёзы,
сквозь всё то, чем я смолodu жил,

дорогими слепыми глазами
не смотри на меня, пожалей,
не ищи в этой угольной яме,

не нащупывай жизни моей!

Ибо годы прошли и столетья,
и за горе, за муку, за стыд, —
поздно, поздно! – никто не ответит,
и душа никому не простит.

Сам Набоков писал, что это стихотворение «оказалось последним из моих многочисленных обращений к отечеству. Оно было вызвано известным пакостным пактом между двумя тоталитарными чудовищами...», т.е. пактом Молотова-Риббентропа в 1939 году. И ещё: «Личная моя трагедия... это то, что мне пришлось отказаться от природной речи, от моего ничем не стесненного, богатого, бесконечно послушного мне русского языка ради второстепенного сорта английского языка...»

Вчера исполнилось 32 года со дня смерти Набокова. У меня есть стихотворение, которое так и называется «2 ИЮЛЯ 1977 ГОДА»:

А было всё, увы, не тем,
Что говорилось ли, писалось,
Он умер в продолжение тем,
Что наяву его касалось.

Он умер, растворив окно...
В горячечном, слепом волненье
Вся жизнь, как давнее кино —

Мельком,
вразбивку,
без «мгновенья»
Великой пушкинской строки,
Что так просилась к изголовью...
Набоков умер... как мелки
Детали частного злословья...
Когда в твореньях вновь, с Любовью,
Воскрес он Мастером строки!

Давайте разберем «детали частного злословья».

С началом перестройки, в незабываемые года гласности, мне впервые довелось познакомиться с творчеством Владимира Набокова. На дворе стоял год 1986-й и в журнале «Москва» был напечатан роман «Защита Лужина».

При чтении поразил, прежде всего, стиль: автор пишет так, будто читателя нет вовсе, вернее, есть – такой всезнающий, всё понимающий, всё могущий пояснить и объяснить. Он заранее знает, что автор может быть не последовательным в изложении событий, может забежать вперед и неожиданно вернуться к прерванной ситуации. Да, что к ситуации – к высказанной мысли, к пустяковому штриху, к возможной перелицовке всей композиции. От этого читателю поверхностному (коих большинство) – сразу не по себе. «Как же так?» – восклицает сей читатель – «текст должен быть абсолютно понятен каждому читающему, а тут сплошные загадки, которые ещё не всякий разгадает. И для чего

это делается? Может быть, чтобы была видна недостижимая мне планка при прочтении трудов этого автора?» И, наверно, такой читатель где-то прав, у него своя непоколебимая, железная правда.

Но с другой стороны и писатель имеет право писать так, как до него ещё не писали, создавать свою систему координат в процессе письма и, как правило, непрестанно следовать ей во всех написанных им произведениях. Что собственно Набоков и делал, произвольно поставив себе в начале творческого пути такую, казалось бы, неразрешимую задачу. Потом в процессе своего чтения, по мере погружения – и не единожды – в какую-либо фразу, отрывок, пассаж или целиком в роман, задаёшься естественным вопросом: а для чего собственно Набокову это было нужно? Сразу же и однозначно, без анализа сирийского¹ творчества, на этот вопрос не ответить.

Но сначала маленькое отступление. Дело в том, что в далёком 1997-м я не только был поражен стилем Набокова. Мне очень хотелось конкретным действием показать, прежде всего, его российские литературные корни так, чтобы становилось видным, что всё его творчество опирается на великую русскую литературу, а сам он – последний представитель ее Серебряного Века. Задался вопросом: почему бы не создать профессиональный документальный фильм о Набоко-

¹ Владимир Сирий – под таким псевдонимом печатал свои произведения Владимир Набоков с 1921 по 1940 год.

ве. Такой фильм «на одном дыхании» за несколько месяцев был снят и смонтирован, показан заинтересованной питерской аудитории, а в день рождения писателя в 1998-м году демонстрировался по Центральному Телевидению. В этом небольшом получасовом фильме, сразу же в его предисловии, был приведен замечательный вопрос писателя из «Дара»: «А когда мы вернёмся в Россию? Какой идиотской сентиментальностью, каким хищным стоном должна звучать эта наша невинная надежда для оседлых россиян. А ведь она не историческая, — только человеческая, — но как им объяснить?» Вторым моментом, показанным в начале фильма, был тот факт, что родовой набоковский дом — «александровских времён усадьба, белая, симметричнокрылая, с колоннами и по фасаду и по антифронтоны»² — почти полностью сгорел в результате страшного пожара в апреле 1995-го.³ Два эти момента — вопрос и пожар — стали своеобразным камертоном в основании неспешно текущего видеоповествования. Забыл сказать, что задумывался первоначально триптих из трех глав, соответствующих самым сильным привязанностям Набокова: любви к своей малой родине, первой юношеской романтической любви и его безудержного, страстного литературного дара. Но, как всегда в жизни бывает, из-за нехватка средств от этих планов пришлось отказаться. В ре-

² Владимир Набоков. Другие берега. Автобиография

³ К настоящему времени усадьба в своем первоначальном виде полностью восстановлена.

зультате в свет вышел видеофильм «Дом», первая глава литературно-музыкального триптиха-эссе «Ключи Набокова», продюсером и сценаристом которого был ваш покорный слуга, а режиссером ныне покойный (Царствие Ему Небесное!) Евгений Поротов.

Основное внимание в этом фильме было уделено показу родовых мест писателя – дому на Большой Морской 47 в Санкт-Петербурге, где он родился; Рождествено и Батово, где прошли его детство и юность, где он встретил свою первую любовь... Звучащие в фильме стихи и цитаты из произведений Набокова позволяли не только взглянуть на эти места глазами автора, но и произвольно настраивали зрителей на сопереживание отечественной истории двадцатого века. И, конечно же, этому в немалой степени способствовали приводимые рассказы-откровения реставратора (на тот момент) усадьбы Набокова в Рождествено Александра Сёмочкина, искусствоведа Валентины Бушляевой и писателя Игоря Ефимова. Поскольку фундаментом фильма была превосходная выборка из творений писателя в исполнении профессиональных артистов, получилась добротная видео-биография Набокова, где в самом конце даётся ответ на поставленный в предисловии вопрос: «Мне-то, конечно, легче, чем другому, жить вне России, потому что я наверняка знаю, что вернусь, – во-первых, потому что увез с собой от нее ключи, а во-вторых, потому что все равно когда, через сто, через двести лет, – буду жить там в своих книгах или хотя бы

в подстрочном примечании исследователя».⁴

Если же возвратиться снова в 1997-й, воспользовавшись при этом одним из набоковских приёмов, – приёмом «возвращения в былое с контрабандой настоящего», можно будет найти не один славный пример разрешения каверзных вопросов. В том достославном году разговаривал я как-то раз по телефону с незнакомкой. Неожиданно разговор приобрёл литературную доминанту и моя собеседница с жаром и трепетом стала говорить о творчестве ее любимого писателя, коим оказался Набоков. «Когда я начинаю читать любое Его произведение, то первым делом отключаюсь от всех позывных внешнего мира (выключаю телефон, все аудио, видео приборы), а потом в процессе чтения, что занимает 2—3 дня, окунаюсь в Его ауру, витаю в Ней, делая невообразимые пируэты... Я наслаждаюсь своим состоянием, мне бесконечно легко и радостно, и, поверьте, совсем не хочется возвращаться к повседневным делам. Я, как будто плаваю в родной стихии Слова, и мне больше ничего не нужно – только находиться как можно дольше в этом умопомрачительном положении...»

И вот сейчас, пройдя 12-летний цикл своей жизни, когда не один десяток раз вспоминал я монолог той давней, единственный раз говорившей со мной, незнакомки, вдруг, неожиданно высветился ответ на главный набоковский вопрос.

⁴ Владимир Набоков. Дар. Роман

Творчество настоящего Мастера в литературе не бесследно и вероятно Набоков не без оснований рассчитывал не только на знающего понимающего современника, но и на близко-далёкого потомка, кто по достоинству оценит его стиль, его язык, его философскую систему координат.

Подтверждением этому служат конференции по набоковедению в разных странах, на разных языках; журнал «Набоковиана», издающийся в Америке, а также многочисленные труды исследователей. Воистину вышеприведенное предсказание писателя из «Дара» сбывается не только в России, но и во всём мире. В связи с этим небезынтересно и мое эссе-исследование «Сергиевская и фурштатская диагонали набоковского Петербурга», тем более что оно частично касается и темы нашей лекции.

Вот небольшой фрагмент из этого эссе, его начало:

«И слышу я, как Пушкин вспоминает
все мелочи крылатые, оттенки
и отзвуки: «Я помню, – говорит, —
летучий снег, и Летний сад, и лепет
Олениной... Я помню, как, женатый,
я возвращался с медленных балов
в карете дребезжащей по Мильонной,
и радуги по стеклам проходили;

но, веришь ли, всего живее помню
тот легкий мост, где встретил я Данзаса
в январский день, пред самую дуэлью...»

В. Набоков «Петербург» <14 января 1923>

«В Санкт-Петербурге, в этой удивительной столице русской поэзии, есть две старейшие, рядом расположенные, параллельные улицы – Чайковского⁵ и Фурштатская, напрямую связанные с жизнью и творчеством писателя Владимира Набокова. Поэтому, вначале хотелось бы остановиться в центральной части Сергиевской улицы, верней, в её сердце – на пересечении с Литейным проспектом, где когда-то (вместо нынешнего 1930-х годов постройки, серого, казенного сооружения) находился знаменитый Сергиевский собор⁶, в честь которого и была названа улица. Давайте, хотя бы мысленно, пройдемся по нечётной стороне этой улицы в сторону проспекта Чернышевского и отметим те дома, которые так или иначе связаны с именем Александра Сергеевича Пушкина.

В первом же – в трёхэтажном доме №21/8, на углу Сергиевской улицы и Литейного проспекта, в начале 1840-х годов до 1843 года снимал квартиру близкий друг Пушкина,

⁵ Далее в тексте эта улица будет встречаться под своим старым названием Сергиевская, как она официально называлась с 1762 по 1923 год.

⁶ 6 Памятник архитектуры, освящен 13 мая 1731 года во имя преподобного Сергия Радонежского, с 1835 года – Собор всей гвардейской артиллерии. В 1932 г. – храм закрыт, в 1934 г. – разрушен.

князь Пётр Андреевич Вяземский. А через три дома расположен дом №29, который можно назвать «фамильно-родовым гнездом» семейства Ганнибалов, ибо он (дом) был приобретен прадедом Пушкина, «арапом Петра Великого» – Абрамом Петровичем Ганнибалом в конце 1750-х годов.⁷ После смерти Ганнибала в 1781-м году дом принадлежал ещё более 20 лет его сыновьям. А в следующем доме №31 в 1787-м году родился будущий писатель Николай Греч, труды которого Пушкин очень ценил.

И последним домом в нашем кратком путешествии по пушкинским местам небольшого участка Сергиевской улицы станет дом №55. Он знаменит тем, что здесь снимала квартиру в 1862-м году Екатерина Ивановна Набокова, урожденная Пущина, вдова генерал-адъютанта Ивана Александровича Набокова (1787 – 1852), (бывшего братом прадеда писателя Владимира Набокова), «...героя войн с Наполеоном, ставшего под старость комендантом Петропавловской крепости в Петербурге, где одним из его узников был (в 1849 году) писатель Достоевский, автор «Двойника» и проч., которого добрый генерал ссужал книгами. Куда интереснее, однако же, то, что он был женат на Екатерине Пущиной, сестре Ивана Пущина, однокашника и близкого друга Пушкина».⁸ Следует сказать, что Пушкин «...бывал

⁷ За несколько лет до 1762-го года, когда бывшая 2-я Артиллерийская улица стала называться Сергиевской

⁸ Владимир Набоков. Память, говори Санкт-Петербург «Симпозиум» 2002

в Пскове у Набоковых, сестре своего друга он подарил список стихотворения «Мой первый друг, мой друг бесценный» с пометой «13 дек. 1826. Псков».⁹

Завершая же экскурс в прошлое Сергиевской улицы, отметим, что почти напротив дома №55, или, скорей, по диагонали, по направлению к Воскресенскому проспекту¹⁰, на другой стороне улицы находится дом №38. Именно про этот дом и про то, что маленький Лужин проходил мимо описанных выше домов, повествует Набоков в романе «Защита Лужина»: «...В школу он обыкновенно ездил на извозчике, всегда, кстати сказать, старательно изучая номер, разделяя его особым образом, чтобы поудобнее упаковать его в памяти и вынуть его оттуда в целости, если будет нужно.

Но сегодня он до школы не доехал, номера от волнения не запомнил и, боязливо озираясь, вышел на Караванной, а оттуда, кружными путями, избегая школьного района, пробрался на Сергиевскую. По дороге ему попался как раз учитель географии, который, сморкаясь и харкая на ходу, огромными шагами, с портфелем под мышкой, неся по направлению к школе. Лужин так резко отвернулся, что тяжело звякнул таинственный предмет в ранце. Только когда учитель, как слепой ветер, промчался мимо, Лужин заметил, что

⁹ Сведения по истории Сергиевской улицы взяты из книги Бройтман Л. И., Дубин А. С. Улица Чайковского. – М.: ЗАО Центрполиграф: ООО «МиМ-Дельта», 2003

^{10 10} Старое название проспекта Чернышевского

стоит перед парикмахерской витриной и что завитые головы трех восковых дам с розовыми ноздрями в упор глядят на него. Он перевел дух и быстро пошел по мокрому тротуару, бессознательно стараясь делать такие шаги, чтобы каждый раз каблук попадал на границу плиты. Но плиты были все разной ширины, и это мешало ходьбе. <...> Наконец он завидел нужный ему дом, сливовый, с голыми стариками, напряженно поддерживающими балкон, и с расписными стеклами в парадных дверях».

Нужно отметить, что сам писатель Владимир Набоков в детстве, зимой 1906/07 года, здесь, несомненно бывал, ибо его родители снимали именно в это время квартиру в этом доме. А напротив, по диагонали через Воскресенский проспект, в доме №59/14 по Сергиевской, проживал его дядя по материнской линии Василий Иванович Рукавишников (завещавший впоследствии своему любимому племяннику Володе усадьбу в Рождествено). Так образуется – относительно Воскресенского проспекта – (как бы в ширину), сергиевская (детская) диагональ писателя».

А вот что пишет о характере писателя Брайан Бойд: «Набоков всегда был одиночкой, и любой рассказ о его жизни должен сосредоточиться на загадке его личности и на том, как она проявляется в искусстве. Три характерные особенности сразу бросаются в глаза. Во-первых, его необыкновенная самоуверенность: кто еще отважился бы начать нехудожественное произведение словами: «Я мыслю как гений»?

Во-вторых, необыкновенная, почти беспощадная напряженность и концентрация его чувств к другим людям. Хотя Набоков мало кому позволял считать себя его другом, он любил отца, мать, жену с неистовой преданностью. В-третьих, его неусыпный индивидуализм. Он всегда отказывался приглаживать свои вкусы и свои критические мнения в угоду времени и ненавидел всяческие объединения, обобщения, условности – ненавидел всё, кроме индивидуального и независимого.

Его занимали извращенность, безумие, жестокость, сексуальные отклонения от нормы. Но при всей своей ярко выраженной оригинальности он сам оставался абсолютно «нормальным» человеком: у него был светлый, здравый ум, он не терпел насилия, он умел хранить верность в любви, когда закончилась его бурная юность».

Сам же Набоков пишет об этом чувстве в последней главе «Других берегов» так:

«Когда я думаю о моей любви к кому-либо, у меня привычка проводить радиусы от этой любви, от нежного ядра личного чувства к чудовищно ускользающим точкам вселенной... Я должен проделать молниеносный инвентарь мира, сделать все пространство и время соучастниками в моем смертном чувстве любви, дабы, как боль, смертность унять и помочь себе в борьбе с глупостью и ужасом этого унижительного положения, в котором я, человек, мог развить в себе бесконечность чувства и мысли при конечности суще-

ствования».

Напоследок в вводной части нашей лекции приведу ещё два интересных суждения Брайана Бойда. Первое: «Некоторые полагают, что раз стилистическая оригинальность Набокова так постоянно заявляет о себе, то, значит, ему нечего предложить, кроме стиля. Я же считаю более убедительным другое объяснение: набоковский стиль так заметен именно потому, что он глубоко переосмыслил писательское искусство и смог благодаря этому выразить всю оригинальность своего ума».

И второе: «Не будь революции, гибели отца, гитлеровской угрозы и позднего мирового признания, проза Набокова лишилась бы и пронзительной остроты, и блеска, и завершенности, которые отличают ее, на каком бы из трех языков, столь им любимых, мы ее ни читали».

И последнее в этом ряду суждение о творчестве писателя – Глеба Струве, критика, поэта, переводчика, историка литературы: «В основе этого поразительно блестящего, чуть что не ослепительного таланта лежит комбинация виртуозного владения словом с болезненно-острым зрительным восприятием и необыкновенно цепкой памятью, в результате чего получается какое-то таинственное, почти что жуткое слияние процесса восприятия с процессом запечатления.»

Итак, приступаем к биографии Набокова, верней, к его автобиографии, изложенной в «Других берегах». Но сначала надо дать цитату автора из его ПРЕДИСЛОВИЯ К РУС-

СКОМУ ИЗДАНИЮ: «Предлагаемая читателю автобиография обнимает период почти в сорок лет – с первых годов века по май 1940 года, когда автор переселился из Европы в Соединенные Штаты. Ее цель – описать прошлое с предельной точностью и отыскать в нем полнозначные очертания, а именно: развитие и повторение тайных тем в явной судьбе.

Основой и отчасти подлинником этой книги послужило ее американское издание «Conclusive Evidence» («Убедительное доказательство»). <...> Когда, в 1940 году, я решил перейти на английский язык, беда моя заключалась в том, что перед тем, в течение пятнадцати с лишним лет, я писал по-русски и за эти годы наложил собственный отпечаток на свое орудие, на своего посредника. Переходя на другой язык, я отказывался таким образом не от языка Аввакума, Пушкина, Толстого – или Иванова, няни, русской публицистики – словом не от общего языка, а от индивидуального, кровного наречия. Долголетняя привычка выражаться по-своему не позволяла довольствоваться на новоизбранном языке трафаретами, – и чудовищные трудности перевоплощения, и ужас расставанья с живым, ручным существом ввергли меня сначала в состояние, о котором нет надобности распространяться; скажу только, что ни один стоящий на определенном уровне писатель его не испытывал до меня. <...> Книга «Убедительное доказательство» писалась долго (1946 —1950) с особенно мучительным трудом, ибо память была

настроена на один лад – музыкально недоговоренный, русский, – а навязывался ей другой лад, английский и обстоятельный. <...> Удержав общий узор, я изменил и дополнил многое. Предлагаемая русская книга относится к английскому тексту, как прописные буквы к курсиву, или как относится к стилизованному профилю в упор глядящее лицо: «Позвольте представиться, – сказал попутчик мой без улыбки – моя фамилия N.». Мы разговорились. Незаметно пролетела дорожная ночь. «Так-то, сударь», – закончил он со вздохом. За окном вагона уже дымился ненастный день, мелькали печальные перелески, белело небо над каким-то пригородом, там и сям еще горели, или уже зажглись, окна в отдаленных домах...

Вот звон путевой ноты».

А теперь обратите внимание, как начинается сама автобиография, первые три предложения: «Колыбель качается над бездной. Заглушая шепот вдохновенных суеверий, здравый смысл говорит нам, что жизнь – только щель слабого света между двумя идеально черными вечностями. Разницы в их черноте нет никакой, но в бездну преджизненную нам свойственно вглядываться с меньшим смятением, чем в ту, к которой летим со скоростью четырех тысяч пятисот ударов сердца в час».

И далее через два абзаца: «В начале моих исследований прошлого я не совсем понимал, что безграничное на первый взгляд время есть на самом деле круглая крепость. Не умея

пробиться в свою вечность, я обратился к изучению ее пограничной полосы – моего младенчества. Я вижу пробуждение самосознания как череду вспышек с уменьшающимися промежутками. Вспышки сливаются в цветные просветы, в географические формы».

Давайте все же заглянем в набоковскую преджизненную вечность и остановимся на его дедушке и бабушке по отцу. Его дед, Дмитрий Николаевич Набоков (1826—1904), министр юстиции при Александре II и Александре III, первый государственный деятель в роду Набоковых. Как пишет биограф Брайан Бойд «министр юстиции Набоков, всегда сухой, медлительный, пресный, оставался верен идее независимого судопроизводства и упрямо противостоял попыткам коренного пересмотра реформ 1864 года и превращения правосудия в орудие из арсенала царской власти». И далее он приводит довольно интересный факт из частной жизни Дмитрия Набокова, который плохо совместим с его репутацией уравновешенного человека: «он был любовником пылкой красавицы, баронессы Нины фон Корф, жены русского генерала. Чтобы путешествовать за границей вместе с возлюбленным, баронесса решила выдать за него свою старшую дочь Марию, и, став ее женихом, Набоков смог, соблюдая приличия, сопровождать невесту, ее мать и сестер в Париж. <...> Хотя семнадцатилетней Марии не нравилась роль компаньонки при собственной матери и любовнике, в сентябре 1859 года она обвенчалась с сухим и мрачным Дмитрием Набоковым,

которому тогда было тридцать три года. После свадьбы баронесса и Набоков жили в разных городах: их любовная связь прекратилась.

Бесстрастный, прилежный Дмитрий Николаевич и его молодая жена с неизменным веером в руках так никогда и не полюбили друг друга. Марию Набокову устраивало в браке прежде всего то общественное положение, которое он ей сулил: хотя ее муж и не имел титула, он подавал большие надежды как государственный чиновник и принадлежал к семье, близкой ко двору. Она получила то, к чему стремилась: все ее дочери стали камер-фрейлинами императрицы, а сыновья – камер-юнкерами императора». Вот что пишет Набоков в «Других берегах»: «Бабка же моя, мать отца, рожденная баронесса Корф, была из древнего немецкого (вестфальского) рода и находила простую прелесть в том, что в честь предка-крестоносца был будто бы назван остров Корфу. Корфы эти обрусели еще в восемнадцатом веке, и среди них энциклопедии отмечают много видных людей. По отцовской линии мы состоим в разнообразном родстве или свойстве с Аксаковыми, Шишковыми, Пуцциными, Данзасами». Из-за своих великосветских привычек баронесса умудрялась вводить мужа в долги даже тогда, когда он получал министерское жалованье. Когда Дмитрий Набоков уходил в отставку, Александр III предложил ему на выбор графский титул или 50000 рублей помимо щедрой пенсии. Он выбрал деньги».

Свою бабушку, баронессу, Владимир Набоков знал не только в детстве, она всегда казалась ему «стилизованной фигурой в небольшом историческом музее». «После революции Мария Набокова заявила офицеру-белогвардейцу, проводившему эвакуацию, что она не сдвинется с места без любимой кушетки. И она настояла на своем: баронесса покинула Россию в товарном вагоне вместе с армейскими офицерами и... своим драгоценным диванчиком».

Владимир Дмитриевич Набоков, отец писателя, шестой ребенок в их многодетной семье (9 детей). Он родился в Царском Селе в 1870 году. Домашнее образование до 13 лет он постигал с помощью французских и английских гувернанток, а затем их сменили русские и немецкие учителя. После учебы в лучшей по тем временам 3-ей петербургской гимназии, которую закончил с золотой медалью, осенью 1887 года он поступает на юридический факультет Петербургского университета. «Поскольку университеты считались рассадниками антиправительственных настроений, многочисленный институт государственных инспекторов осуществлял контроль за профессорами и следил за тем, чтобы не возрождались студенческие организации и кружки, запрещенные в 1884 году. Студенческие волнения – слабые попытки протестовать против сложившегося положения – вспыхивали ежегодно. Во время студенческой демонстрации 19 марта 1890 года вместе с другими участниками был арестован и В.Д.Набоков. Хотя студентов арестовали в час дня, раз-

бирательство не начиналось до позднего вечера. Неожиданно прибыл генерал-губернатор Петербурга и распорядился освободить из-под стражи сына бывшего министра юстиции. Услышав, что отец ждет его к ужину, В.Д.Набоков спросил, отпустят ли по домам и его товарищей. «Нет». – «В таком случае я остаюсь ужинать с моими товарищами». За полночь студентов перевели в тюрьму Кресты, а уже через четыре дня их отпустили. Один из арестованных с уверенностью утверждал, что столь быстрым освобождением они были обязаны тому, что Набоков решил остаться с ними.

Годы учебы отца Набокова в университете, (а он его окончил с отличием по кафедре уголовного права в январе 1892 года), совпали с усилением государственного антисемитизма в стране. Так, в 1889 году новый министр юстиции Н.А.Манасеин обнародовал доклад, в котором утверждал, что большинство адвокатов в стране – евреи, вытеснившие из этой профессии христиан; с ноября того же года прием в адвокатуру вошел в компетенцию самого министра. Напротив, Дмитрий Набоков, в бытность свою министром юстиции, настойчиво и весьма успешно противодействовал антисемитским решениям, принятым в 1881 году министром внутренних дел. Эта фамильная черта проявится и у В.Д.Набокова, который станет наиболее горячим защитником прав евреев из всех русских юристов». А еще позднее его сын женится на еврейке из России, будет осуждать антисемитизм в своих произведениях и сможет бежать вместе

с женой и сыном из гитлеровской Германии только благодаря евреям-эмигрантам из России, которые сохранили благодарность его отцу, кристально честному защитнику их интересов.

Надо еще отметить, что отец Набокова после окончания университета предпочел чиновной карьере академическую и уже в двадцать пять лет напечатал свою первую научную статью. Для подготовки по уголовному праву он был командирован в Германию, где вскоре получил письмо от Николая Таганцева, старейшины российских криминалистов, видевшего в Набокове своего преемника как в науке, так и на поприще преподавания, и теперь предлагавшего ему место преподавателя уголовного права в Училище правоведения. Восемь лет (1896—1904) он читал лекции по уголовному праву и уголовному процессу, но затем его преподавательская карьера в училище оборвалась: из-за своей оппозиционно-политической деятельности ему пришлось покинуть кафедру.

Даже в первой лекции, прочитанной в 1896 году, при вступлении в должность профессора Училища правоведения, Владимир Дмитриевич не делал секрета из своей приверженности к развитию того прогрессивного потенциала, что заложен в законе. Он утверждал, что права индивидуума перед законом – не абстрактная теоретическая проблема, но «плод долгой политической борьбы за гарантию политической свободы против абсолютной власти, как бы она

ни называлась». Как специалист по уголовному праву, отец Набокова отвергал социологические обобщения, подчеркивая, что идея индивидуальной ответственности несет в себе свободу и противоречит вечной несправедливости массовых репрессий или «превентивного» наказания для тех, кого считают потенциально опасными или просто непохожими на остальных. Гомосексуалисты, преступники, уже понесшие наказание, бродяги, евреи, политические неблагонадежные – всех их он защищал от тирании закона.

Вынужденное знакомство писателя Владимира Набокова с большевизмом и нацизмом послужило для него еще одним доказательством того, как важна была непреклонная борьба его отца за права личности против давления государства. Как и отец, он осуждал нетерпимость и отвергал любые социологические обобщения, утверждая непредсказуемость индивидуального.

Стоп, стоп! Где наш младенец? Уж не потеряли ли мы его? Ау, Ау! Ан нет, вот он, родимый, высветился, да еще в каком ореоле: «Итак, лишь только добытая формула моего возраста, свежезеленая тройка на золотом фоне, встретилась в солнечном течении тропы с родительскими цифрами, тенистыми тридцать три и двадцать семь, я испытал живительную встряску. Тогда-то я вдруг понял, что двадцатисемилетнее, в чем-то бело-розовом и мягком, создание, владеющее моей левой рукой, – моя мать, а создание тридцатитрехлетнее, в бело-золотом и твердом, держащее меня за правую руку, –

отец. Они шли, и между ними шел я, то упруго семени, то переступая с подковки на подковку солнца, и опять семени, посреди дорожки, в которой теперь из смехотворной дали узнаю одну из аллей – длинную, прямую, обсаженную дубками, – прорезавших „новую“ часть огромного парка в нашем петербургском имении. Это было в день рождения отца, двадцать первого, по нашему календарю, июля 1902 года, и глядя туда со страшно далекой, почти необитаемой гряды времени, я вижу себя в тот день восторженно празднующим зарождение чувственной жизни».

Хотя отец Набокова всецело связал свою судьбу с интеллигенцией, он вовсе не отказывался от великосветского образа жизни своей семьи. Он по-прежнему жил в родительском доме на набережной Невы, посещал костюмированные балы, оперу, даже бывал при дворе, а в 1895 году, как и его братья, получил камер-юнкерское звание. Светская жизнь продолжалась и летом в загородных усадьбах: пикники, крокет, теннисные площадки. Там-то, за городом он и познакомился с Еленой Ивановной Рукавишниковой (1876—1939), дочерью владельца двух соседних имений в трех верстах вниз по реке Оредеж. Такое же расстояние по берегу Невы разделяло их дома и в Петербурге: как будто сама судьба хотела сообщить им, что имеет на них свои виды.

Теперь пора познакомиться с набоковскими дедушкой и бабушкой по материнской линии. Его дед, Иван Васильевич Рукавишников (1841—1901), землевладелец и фи-

лантроп, ему принадлежали поместья Выра и Рождественно. Не жалея средств на благотворительность, он за несколько лет в селе Рождественно построил три школы, двухэтажную больницу на 80 коек, общедоступную библиотеку и частный театр для селян, где играли Варламов и Давыдов, знаменитые актеры того времени. Вот как его описывает Набоков в «Других берегах»: «На старых снимках это был благообразный господин с цепью мирового судьи, а в жизни – тревожно-размашистый чудак с дикой страстью к охоте, с разными затеями, с собственной гимназией для сыновей, где преподавали лучшие петербургские профессора, с частным театром, с картинной галереей, на три четверти полной всякого темного вздора. По позднейшим рассказам матери, бешеный его нрав угрожал чуть ли не жизни сына, и ужасные сцены разыгрывались в мрачном его кабинете. Рождественская усадьба – купленная им, собственно, для старшего, рано умершего сына – была, говорили, построена на развалинах дворца, где Петр Первый, знавший толк в отвратительном тиранстве, заточил Алексея».

Если культурный уровень Ивана Рукавишникова и может вызывать некоторые сомнения, то жену он себе нарочито выбрал из семьи, отличавшейся самыми передовыми воззрениями и хорошо известной в научном мире. Его жена Ольга, в девичестве Козлова (1845—1901), была дочерью первого президента Российской императорской академии медицины. Писатель Набоков не раз задумывался, что такие ра-

боты его прадеда по материнской линии, как «О развитии идеи болезни» или «Сужение яремной дыры у людей умопомешанных и самоубийц», служили «забавным прототипом» как его лепидоптерологических работ, так и целой галереи патологических типов в литературных произведениях. Сама Ольга Николаевна Козлова серьезно интересовалась естествознанием и, уже став женой Ивана Рукавишникова, отвела одну из комнат их вырского дома под химическую лабораторию. Позднее она пригласит знаменитого университетского профессора зоологии Шимкевича давать уроки дочери Елене.

Из восьми детей Рукавишниковых шестеро умерли молодыми; в живых остались только Василий и Елена, самая младшая. Это была нежная, робкая, умная женщина; нервная и чувствительная, она казалась будущему писателю более сложной натурой, чем его всегда невозмутимый отец. Они впервые встретились на рыбалке: он – крупный, удивительно статный, твердый взгляд, усы, и она – тонкая талия, «высокий зачес пепельных волос», красивое лицо, которое казалось мечтательным, почти печальным из-за опущенных уголков рта и слегка удлиненной, подвижной верхней губы. Владимир Дмитриевич сделал предложение Елене Рукавишниковой во время велосипедной прогулки по дороге, круто поднимавшейся из Выры в деревню Грязно. На память об этом событии они позднее посадили на этом месте липу. 14 ноября 1897 года они обвенчались и поехали в свадебное

путешествие во Флоренцию.

И мне приятно сообщить, что первый общественный показ фильма «Ключи Набокова», о котором я рассказывал ранее, произошел ровно через сто лет после этого венчания, в ноябре 1997 года в петербургском Доме Журналиста.

А вот что сказано о матери Набокова в «Других берегах»: «Любить всей душой, а в остальном доверяться судьбе – таково было ее простое правило. „Вот запомни“, – говорила она с таинственным видом, предлагая моему вниманию заветную подробность: жаворонка, поднимающегося в мутно-перламутровое небо бессолнечного весеннего дня, вспышки ночных зарниц, снимающих в разных положениях далекую рощу, краски кленовых листьев на палитре мокрой террасы, клинопись птичьей прогулки на свежем снегу. Как будто предчувствуя, что вещественная часть ее мира должна скоро погибнуть, она необыкновенно бережно относилась ко всем вешкам прошлого, рассыпанным и по ее родовому имени, и по соседнему поместью свекрови, и по земле брата за рекой. Ее родители оба скончались от рака, вскоре после ее свадьбы, а до этого умерло молодыми семеро из девяти детей, и память обо всей этой обильной далекой жизни, мешаясь с веселыми велосипедами и крокетными дужками ее девичества, украшало мифологическими виньетками Выру, Батово и Рождествено на детальной, но несколько несбыточной карте. Таким образом я унаследовал восхитительную фатаморгану, все красоты неотторжимых богатств, при-

зрачное имущество – и это оказалось прекрасным закалом от предназначенных потерь. Материнские отметины и зарубки были мне столь же дороги, как и ей, так что теперь в моей памяти представлена и комната, которая в прошлом отведена была ее матери под химическую лабораторию, и отмеченный – тогда молодой, теперь почти шестидесятилетней – липою подъем в деревню Грязно, перед поворотом на Даймищенский большак, – подъем столь крутой, что приходилось велосипедистам спешиваться, – где, поднимаясь рядом с ней, сделал ей предложение мой отец...»

«О, еще бы, – говаривала мать, когда, бывало, я делился с нею тем или другим необычайным чувством или наблюдением – еще бы, это я хорошо знаю...» И с жутковатой простотой она обсуждала телепатию, и сны, и потрескивающие столики, и странные ощущения «уже раз виденного». Среди отдаленных ее предков, сибирских Рукавишниковых были староверы, и звучало что-то твердо-сектантское в ее отталкивании от обрядов православной церкви. Евангелие она любила какой-то вдохновенной любовью, но в опоре догмы никак не нуждалась; страшная незащитность души в вечности и отсутствие там своего угла просто не интересовали ее. Ее проникновенная и невинная вера одинаково принимала и существование вечного, и невозможность осмыслить его в условиях временного. Она верила, что единственно доступное земной душе – это ловить далеко впереди, сквозь туман и грезу жизни, проблеск чего-то *настоящего*».

И сейчас уместно привести классический пример из набоковских узоров. Он вспоминает в «Других берегах», что в начале 1904 года «в нашем петербургском особняке меня повели из детской вниз, в отцовский кабинет, показаться генералу Куропаткину, с которым отец был в коротких отношениях. Желая позабавить меня, коренастый гость высыпал рядом с собой на оттоманку десяток спичек и сложил их в горизонтальную черту, приговаривая: «Вот это – море в тихую – погоду». Затем он быстро сдвинул углом каждую чету спичек, так, чтобы горизонт превратился в ломаную линию, и сказал: «А вот это – море в бурю». Тут он смешал спички и собрался было показать другой – может быть, лучший – фокус, но нам помешали. Слуга ввел его адъютанта, который что-то ему доложил. Суетливо крякнув, Куропаткин, в полтора, как говорится, приема, встал с оттоманки, причем разбросанные на ней спички подскочили ему вслед. В этот день он был назначен Верховным Главнокомандующим Дальневосточной Армии.

Через пятнадцать лет маленький магический случай со спичками имел свой особый эпилог. Во время бегства отца из захваченного большевиками Петербурга на юг, где-то, снежной ночью, при переходе какого-то моста, его остановил седобородый мужик в овчинном тулупе. Старик попросил огонька, которого у отца не оказалось. Вдруг они узнали друг друга. Дело не в том, удалось ли или нет опростившемуся Куропаткину избежать советского конца (энцикло-

педия молчит, будто набрав крови в рот). Что любопытно тут для меня, это логическое развитие темы спичек. Те давнишние, волшебные, которые он мне показывал, давно затерялись; пропала и его армия; провалилось всё; провалилось, как проваливались сквозь слюду ледка мои заводные паровозы, когда, помнится, я пробовал пускать их через замерзшие лужи в саду висбаденского отеля, зимой 1904—1905 года. Обнаружить и проследить на протяжении своей жизни развитие таких тематических узоров и есть, думается мне, главная задача мемуариста».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.